

Сила как право и право как сила

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-7-10>

История XX столетия завершалась под знаком окончания третьего глобального противостояния после двух мировых войн – холодной войны. Символами новой эпохи стало прекращение противоборства между двумя сверхдержавами – Советским Союзом и США – серия «бархатных революций» в государствах социалистического содружества, исчезновение Берлинской стены и объединение Германии, налаживание арабо-израильского диалога, сворачивание системы апартеида в ЮАР, активизация мирного урегулирования региональных конфликтов в Афганистане, Африке и Центральной Америке. Во многом под влиянием этих процессов родилась метафора о «конце истории» в виде всемирной победы неолиберального экономического и политического порядка¹.

Однако на смену всем вышеперечисленным событиям, предвещавшим, казалось бы, скорое торжество кантовского идеала о «вечном мире», в котором право силы будет заменено силой права, пришли новые разломы и жестокие противостояния. Войны за советское и югославское наследия, эскалация насилия на Ближнем Востоке и в Африке, широкая практика вмешательства одних государств во внутренние дела других под предлогом «гуманитарной интервенции» или «ремедиальной сецессии»², актуализация противоречий, связанных с этнонациональной, религиозной и расовой идентичностью во всех точках мира, отчетливо показали, что сила по-прежнему остается важнейшим элементом международной политики. Очевидно, цитата, приводимая древнегреческим историком Плутархом о праве, которое «носят на конце меча»³, сохраняет свою актуальность и в третьем тысячелетии от рождения Христа. В этом контексте весьма показательным, что глашатай окончания мировой истории Френсис Фукуяма через четверть века после своего прогноза выступает с анализом феноменов идентичности, «требования достоинства» и

1 Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.

2 Seybolt, Taylor B. *Humanitarian Military Intervention: The Conditions for Success and Failure*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

3 Цит. по: Плутарх. Застольные беседы. Перевод М. Л. Гаспарова. – Л.: Наука, 1990. С. 123.

«политики негодования» как главных драйверов многочисленных конфликтов сегодняшнего дня¹.

В массовом сознании войну и мир, силу и право принято твердо противопоставлять. Но еще на заре нового времени выдающийся нидерландский правовед и философ Гуго Гроций справедливо указал, что «войны ведутся ради заключения мира», а «сама же война приводит нас затем к миру как своей конечной цели»². Его трактат «О праве мира и войны» появился под аккомпанемент пушек и мушкетов масштабного общеевропейского противостояния, которое, в свою очередь, привело к формированию первой Вестфальской системы международных отношений. И всякая новая система, приходившая на смену старой, возникала после масштабного изменения баланса сил в результате военных действий. Поддержание же правового порядка (в том виде, как он виделся оптимальным для его создателей) опиралось на различные практики, среди которых помимо дипломатии неизменно присутствовал и «последний довод королей». Сила и право, таким образом, оказывались, говоря языком христианских теологов, «нераздельны и неслиянны». Они постоянно дополняли друг друга.

Имеет ли международное право «естественный характер» (если следовать Гроцию) или все нормы и правила порождены историческими обстоятельствами, а потому могут и должны меняться? Ответ на этот вопрос неизбежно активизирует дискуссию о статус-кво и ревизионизме в мировой политике. Насколько оправдан бунт против системы, если имеющийся международно-правовой порядок сформирован без участия того или иного государства и с заведомым игнорированием его интересов?³ Особенностью же текущего момента является тот факт, что по завершении холодной войны не было проведено каких-либо итоговых конференций и не были приняты декларации, закреплявшие хотя бы формально ее результаты. Как следствие – открывающиеся возможности для широких интерпретаций того, чем собственно новый миропорядок является и должен быть.

Диалектике силы и права в мировой политике посвящен третий номер журнала «Международная аналитика». Он открывается интервью с австрийским правоведом-международником Бенедиктом Гарцлем. В нем рассматривается коллизия между правом и силой в различных международных конфликтах. Уникален ли косовский кейс? Почему в процессе распада СССР доминировала политическая целесообразность, а не правовые нормы? Как сочетать национальный интерес и общие правила игры? С точки зрения исследователя, международное право не предполагает быстрых ответов и простых решений, а для того, чтобы не выйти за его рамки требуются порой болезненные компромиссы.

Статьи Дарьи Исаченко и Никиты Неклюдова представляют своеобразный мини-цикл. Они рассматривают проблему двойных стандартов, а также различной логики восприятия этнополитических конфликтов ведущими мировыми игроками. Обречены ли они на различные интерпретации одних и тех же вы-

1 Fukuyama, Francis. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2018.

2 Гроций, Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права. Перев. с латинского А.Л. Саккетти / Под ред. С.Б. Крылова. – М.: Юрид.лит., 1956. С. 67.

3 Brimont, Jean. *Humanitarian Imperialism. Using Human Rights to Sell the War*. NY: Monthly Review Press, 2006.

зовов или нахождение общей платформы возможно? Думается, этот вопрос и в третьем десятилетии XXI века сохранит свою актуальность и для академической науки, и для прикладного анализа международных отношений.

Сегодня роль частных военных компаний (ЧВК) в мировой политике – одна из наиболее дискутируемых тем. Текст Марии Небольсиной посвящен вовлечению этих структур в миротворческие операции под эгидой ООН. Автор пытается объяснить, возможно ли международно признанное участия ЧВК в ооновских форматах, если сегодня внутри Организации присутствует скептицизм как в отношении легального статуса частных военных компаний, так и их репутации.

Принятие Стратегии национальной безопасности США в 2017 году ознаменовало своеобразный символический поворот Вашингтона к концепции «соревнования великих держав». Этот дискурсивный сдвиг рассматривается в статье американского исследователя Джеффри Манкоффа. С его точки зрения, США сосредоточатся на противодействии российскому и китайскому влиянию, но при этом начнут перекладывать ответственность в других менее приоритетных для себя сферах.

Несколько статей номера посвящены коллизиям между правом и силой в контексте процессов в различных регионах мира. В статье Василия Кузнецова рассматривается социально-политическая трансформация арабского мира в 2010-х годах. Изменения на Ближнем Востоке автор подает через концепцию неомодерна. Фредерик Лабарр и Пьер Жоликёр рассматривают пограничные споры России и Эстонии как в контексте актуализированного исторического прошлого, так и юридического принципа *uti possidetis*, утвердившегося в процессе распада единого советского государства.

Мы продолжаем анализировать последствия пандемии COVID-19 на мировую повестку дня. Но в этот раз данный сюжет сильнее привязан к общей теме номера. В обзорной статье профессора Ричарда Саквы рассматриваются два противостоящих друг другу тренда – мультилатерализм и национализм. С точки зрения автора, борьба между соперничающими моделями мирового порядка будет меньше сдерживаться международными ограничителями, поэтому феномен «новой холодной войны» таит в себе больше потенциальных угроз, чем завершившееся биполярное противостояние.

Изучение «политики памяти» – задача научная или политическая? Этот вопрос вынесен в заголовок рецензии историка Геннадия Бордюгова. В ней рассматривается недавно вышедшая коллективная монография, посвященная различным аспектам «исторической политики» в России и в восточноевропейских странах. Выдающийся итальянский историк и философ Бенедетто Кроче, говоривший о том, что история в не меньшей степени ставит проблемы своего времени, чем той эпохи, к которой обращена и которую изучает», оказался прав¹. Многочисленные «войны памяти», идущие с разной степенью интенсивности в разных уголках мира, со всей очевидностью подтверждают его вывод.

Диалектика сила и права останется важнейшей проблемой международных отношений не только в третьем десятилетии нового века, но и на долгие годы

1 Кроче, Б. Теория и история историографии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 2–3.

вперед. Тема неисчерпаема, но ее академическое и экспертное переосмысление представляется весьма актуальным. Особенно в условиях, когда неопределенность и непредсказуемость растет, а с ними – и запрос на упорядоченность и понятные всем игрокам общие правила игры.

С.М. Маркедонов, главный редактор